
САННА СЬЮ
РАЗВОД
Я ЖЕЛАННАЯ ЖЕНЩИНА, А НЕ КЛУША

Санна Сью

Развод. Я желанная женщина,а не клуша

https://litres.ru/74749023
SelfPub; 2026

Аннотация

В сорок лет я узнала, что я — пустое место для мужа и старших детей. Двадцать два года брака оказались иллюзией. Я отдала им всё: молодость, здоровье, время. А в ответ получила клеймо — «клуша, с которой в люди показаться стыдно».

Муж променял меня на гламурную эскортницу из соседней квартиры, чтобы пускать пыль в глаза партнёрам. Дети радостно его поддержали: ведь у папы деньги и успех.

Так они думали. Но они забыли, что женщина, которую загнали в угол и лишили всего, перестаёт быть мягкой. Я восстану из пепла, верну себе себя и покажу, кого они потеряли.

***

— А мне? Мне платье для приёма мы покупать не будем? — спрашиваю удивлённо.

— Зачем, Свет? Прости, но новое платье тебе не поможет, так что ты остаёшься дома, — снисходительно отвечает муж. — Пойми, на подобные мероприятия не приходят с такими жёнами. Нужна статусная женщина.

— А я не статусная?

— Мам, ну ты у нас для дома, — встаёт на сторону отца дочь. — А папу будет сопровождать наша соседка Жанна.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Санна Сью
Развод. Я желанная женщина,а не клуша

Глава 1

Я складываю в аккуратную стопку выглаженные детские футболки, когда между лопатками пробегает лёгкий зуд, будто кто-то сверлит неприязненным взглядом. Оборачиваюсь.

— Надо костюм купить брендовый, — говорит Кирилл, внимательно рассматривая себя в ростовом зеркале. Поправляет воротник рубашки, поворачивается в профиль, втягивая живот, и добавляет: — Запиши меня к барберу ещё.

Моргаю удивлённо.

Он всю жизнь сам успешно брился. И костюм у него шикарный — мы в прошлом году на свадьбу его двоюродного брата покупали в дорогом магазине. Отвалили семьдесят тысяч. Огромные деньги для нашего бюджета!

Но меня настораживает другое. Я откладываю вещи и смотрю на мужа.

— А мне? Мне мы не будем платье новое для этого приёма покупать? — спрашиваю.

В тот раз, на свадьбу, мы платье мне не покупали — я надела то, что осталось после третьей беременности, купленное на выписку. Красивое, конечно, и дорогое, но ему уже пять лет! И с тех пор моя фигура… ещё немного изменилась. Не критично, но я объективно понимаю, что заслужила обновку.

— Свет, — муж поворачивается и окидывает меня с головы до ног виноватым взглядом. — Я даже не знаю, что тебе поможет…

У меня перехватывает дыхание. Словно под дых ударили. Воздух застревает в горле, а глаза мгновенно начинают слезиться. Делаю судорожный вдох, пытаясь протолкнуть этот ком.

— В каком смысле? — выдыхаю едва слышно.

Кирилл шагает ко мне, обхватывает за плечи и прижимает к своей груди. Невольно вдыхаю родной запах — смесь геля для душа и его тела, — и зажмуриваюсь. Сейчас он скажет, что неудачно пошутил.

— Родная моя, самая любимая и красивая, пойми: это не то мероприятие, на которое приходят с дорогими и самыми красивыми жёнами.

Может, я дура? Мы, конечно, не обсуждали, что я тоже иду, но это вроде как по умолчанию подразумевается. Или у меня со слухом плохо? Я отрываю голову от его груди, отстраняюсь и опять задаю тупой вопрос:

— В смысле, не с жёнами?

Я даже за ногу себя щипаю через домашние штаны. Не могу поверить, что слышу такие слова от мужа. От отца моих троих детей. Ещё два дня назад, когда про этот злополучный приём и его долгожданное повышение известно не было, Кир себе таких слов даже помыслить не мог. Мы были командой.

— Ну ты даёшь, Свет! — искренне возмущается муж, пожимая плечами. — Ты не знаешь, что ли, что со статусным мужчиной должна быть статусная женщина?

— А я не статусная? — спрашиваю, прищурившись.

Начинаю закипать. По венам разливается обжигающий гнев. Кир совсем забылся, похоже. А может, он пьяный? Принюхиваюсь. Нет. Да и когда бы он успел?

— Ты — любимая, — заявляет Кир, расплываясь в какой-то совершенно фальшивой покровительственной улыбке.

Я вскипаю окончательно. Открываю рот, чтобы высказать ему всё, что думаю об этой его «статусности», которую я годами обеспечивала глаженными рубашками, горячими ужинами и бессонными ночами с детьми, и тут…

— Мам, ну ты чего? Папа дело говорит, — раздаётся от двери уверенный голос дочери.

— Ма, ну ты у нас красивая, но клуша. Пусть отец сходит сам. Нам потом бабла перепадёт, чё ты паришься? — вторит ей старший сын.

Я медленно поворачиваю голову. Тимофей стоит рядом с Дашей и смотрит на меня так, будто я не могу понять, где

лево, а где право. Снисходительно. Как на недалёкую родственницу из глубинки.

Мне хочется в третий раз за вечер повторить вопрос «в каком смысле?», но я и так понимаю, что мой муж и старшие дети считают меня плохим объектом для демонстрации важным людям. Я для них — уютный мягкий домашний диван. А на приёмы выгуливают породистых борзых.

Это так обидно, что колет сердце. Острая физическая боль бьет под ребра, но я из последних сил сдерживаюсь и не тру грудь, чтобы не выдать свою слабость перед этим семейным трибуналом.

— Ладно, — голос звучит неестественно ровно. — А кто же тогда будет сопровождать папу на приёме? — спрашиваю детей спокойно.

— Я договорилась, ма! Папа у нас будет самый крутой! Жанна, систер Викина, согласилась его сопроводить. Ты же сама знаешь, какая она гламурная, мам! — восторженно кричит дочь.

Кир и Тимофей радостно кивают, прямо как собачки на капоте машины. Знаю, конечно. Вика — соседка снизу и подруга дочки. Жанна, стало быть, её старшая сестра. Не могу поверить!

В памяти мгновенно всплывает образ двадцатидвухлетней девицы. Тонкие щиколотки, накачанные губы, нарощенные ресницы и взгляд хищницы, оценивающей всё вокруг в денежном эквиваленте. У меня в глазах темнеет от абсурда

и невозможности происходящего. Моя собственная дочь нашла моему мужу и своему отцу эскорт. А муж и сын радостно её поддерживают.

Дожилась.

Я смотрю на их воодушевлённые лица и чувствую, как во мне всё выгорает дотла. Ни кричать, ни бить посуду, ни доказывать им что-то не хочется. Из меня словно разом выкачали все силы. Я молча отворачиваюсь и выхожу из комнаты.

— Мам, ну ты не обижайся, мы же как лучше хотим! — доносится мне в спину примирительный голос дочери.

— Да забей, она просто не понимает, как сейчас дела делаются, — тут же успокаивает её сын. — Пап, смотри, какие Жанка фотки на своей страничке выкладывает…

Их голоса становятся тише, когда я сворачиваю в коридор и открываю дверь в комнату младшего. Здесь царит полумрак, только тихо гудит увлажнитель воздуха, переливаясь мягким синим светом. В кроватке, раскинув руки, сладко спит мой пятилетний Лука.

Подхожу к нему, сажусь на край кровати и осторожно глажу по светлым волосам. Малыш тихо вздыхает во сне и доверчиво утыкается носом в мою ладонь, будто чувствует меня даже сквозь сон.

И вот тогда меня ломает.

Некрасиво, некиношно — без показушных всхлипов, без заламывания рук. Просто внутри вдруг что-то трескается, и слёзы сами текут — горячие, злые, бесконечные. Я накло-

няюсь к Луке, осторожно, чтобы не разбудить, прижимаюсь лбом к его тёплому плечику и плачу так тихо, будто даже на это не имею права.

Только здесь, в этой полутёмной детской, я вдруг понимаю, насколько я одна. Там, за дверью, мои дети. Мой муж. Моя семья. Люди, ради которых я годами жила в режиме «потом». Потом куплю себе пальто. Потом схожу к косметологу. Потом высплюсь. Потом запишусь в спортзал. Потом подумаю о себе. Потом, потом, потом.

А сейчас они сидят и обсуждают какую-то Жанну. Её фото. Её полезность. Будущие деньги.

И кивают.

Все трое.

Лука шевелится, приоткрывает сонные глаза и хрипло шепчет:

— Мам…

Я быстро вытираю щёки, но он уже тянет ко мне руки. Маленькие, тёплые, родные.

— Ты чего? — бормочет он, ещё не проснувшись до конца.

— Ничего, солнышко. Спи.

Он обнимает меня за шею с такой простой безоговорочной любовью, что у меня снова сбивается дыхание.

— Я тебя люблю, — говорит он мне куда-то в плечо, будто сообщает самую очевидную вещь на свете.

И засыпает почти сразу, всё ещё прижавшись ко мне.

А я сижу, не шевелясь, боясь спугнуть это единственное настоящее, что у меня, кажется, осталось. Я не хочу, чтобы он вырос таким же, как старшие дети!

***

Когда я выхожу из детской, в доме уже тихо. Видимо, они всё обсудили и разошлись по своим комнатам, довольные, взрослые, практичные. Я иду в ванную, включаю свет и на секунду жмурюсь.

Из зеркала на меня смотрит женщина, которую я не сразу узнаю. Нет, я не старая. Не страшная. Не сломанная. Но какая-то… стёртая. Собранные кое-как волосы. Уставшие глаза. Растянутая домашняя футболка, бесформенные штаны. Кожа тусклая. Лишний вес. Плечи опущены. Лицо женщины, которая всё время занята чужой жизнью.

Я долго смотрю на себя, как на незнакомку. Это я? Та самая Света, которая когда-то могла полдня выбирать помаду, потому что ей было важно, как она улыбается? Которая смеялась громко, запрокинув голову? Которая носилась по городу, опаздывала, жила, хотела, мечтала?

Куда она делась?

Я подхожу ближе к зеркалу и провожу пальцами под глазами.

— Как ты превратилась в это? — спрашиваю шёпотом.

Слово приходит само, мерзкое, липкое, как чужая слюна: клуша.

Потом второе: удобная.

Удобный диван. Удобная жена. Удобная мать. Удобный человек, о которого можно вытереть ноги, а потом ещё удивиться, чего это он такой помятый.

Я горько усмехаюсь. Нет, не превратилась. Меня превратили. Но если быть честной — я это позволила.

Я вспоминаю, как всё это начиналось — с мелочей, почти незаметно.

Не купила себе платье, потому что Кириллу были нужны деньги «на вложения».

Отменила маникюр, потому что у Даши выступление, а у Тимы брекеты.

Перестала красить волосы в салоне — ну а смысл, я же всё равно дома, могу купить краску и сама покраситься.

Перестала носить красивые вещи — жалко пачкать, неудобно, да и кто меня видит?

Стала доедать за детьми, потому что жалко выбрасывать. А с годами вес стало сбрасывать сложнее. Гормоны и обмен веществ не те…

Стала спать урывками, а это тоже красоты не добавляет.

Стала говорить «мне ничего не надо» так часто, что сама в это поверила.

Мой муж и дети могли бы мне подсказать, что так нельзя. Подарить абонемент в спа, в конце концов! Но нет. Им, оказывается, именно и надо было, чтобы мне ничего не было надо.

Чтобы я не мешала.

Чтобы я была фоном. Обслугой.

Я смотрю в зеркало и впервые за долгое время не отвожу взгляда.

— Ради них, да? — тихо спрашиваю своё отражение. — Всё ради них?

Перед глазами всплывают мои списки покупок, их кружки, их болезни, их дни рождения, их любимые блюда, чужие рубашки, чужие дедлайны, чужие настроения. Я помнила, кто что ест, у кого на что аллергия, кому завтра нужна белая футболка, кому подписать тетрадь, кому погладить платье, кому напомнить про анализы. Я держала в голове их жизни, как диспетчер держит самолёты в небе, чтобы не рухнули.

А мою жизнь кто держал? Ответа нет. Только отражение. И женщина в нём вдруг кажется мне не жалкой — опасной. Пока ещё очень тихо, почти незаметно. Но что-то в её глазах меняется.

Я умываюсь ледяной водой, промокаю лицо полотенцем и снова поднимаю голову.

— Хватит, — говорю я.

Не им.

Себе.

Глава 2

Утро наступает слишком быстро из-за того, что половину ночи я составляю план действий по возвращению уважения своей семьи.

По привычке, вбитой под корку годами тренировок, я просыпаюсь за час до остальных. Иду в кухню. Механически достаю сковородку, разбиваю яйца, нарезаю сыр, варю Луке кашу. Руки делают всё сами, пока голова гудит от мыслей.

Внутри меня будто выжженное поле. Боль, которая вчера разрывала грудную клетку, уступила место холодной звенящей пустоте. Я смотрю на закипающий в турке кофе мужа и думаю о том, что еще вчера с любовью следила бы за тем, чтобы пенка не убежала. А сегодня мне всё равно.

Шаги в коридоре раздаются ровно в семь тридцать. Кирилл заходит свежий, выспавшийся, душистый. Он на ходу застегивает пуговицы на манжетах идеально выглаженной рубашки. Мной выглаженной, разумеется.

— Доброе утро, Светуль, записала? — спрашивает он буднично, садясь за стол и утыкаясь в телефон.

Не сразу вспоминаю, о чём он, а когда вспоминаю, с шумом втягиваю воздух носом. Ага, конечно! Прямо в ночи отыскала барбера и записала.

А у него на лице ни тени раскаяния. Ни капли неловкости за вчерашний вечер. Он искренне считает, что конфликт ис-

черпан, потому что он так решил.

Я ставлю перед ним чашку с кофе.

— Сам запишись!

Звук удара фарфора о накрытую скатертью деревянную столешницу получается громче обычного. Кирилл поднимает взгляд от экрана телефона.

— Ты не остыла, что ли? — спрашивает с видом невинного агнца.

— Кир, нам нужно поговорить об этом приеме, — говорю, садясь напротив. Голос звучит ровно, и я сама удивляюсь своему спокойствию.

Муж тут же театрально вздыхает. Закатывает глаза и с громким стуком откладывает телефон.

— Света, опять? Мы же всё вчера обсудили. Дети всё прекрасно поняли, так почему ты-то ведешь себя как маленькая?

— Я веду себя как твоя жена, — чеканю каждое слово. — И поэтому говорю прямо: либо на этот прием ты идешь со мной, либо идешь один. Никаких Жанн там не будет.

Кирилл откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди и смотрит на меня с тем самым снисходительным выражением, от которого вчера мне хотелось провалиться сквозь землю. А сегодня хочется запустить в него сковородкой.

— Так, понятно. У нас тут приступ ревности, — качает головой, словно разговаривает с неразумным подростком. —

Света, это работа. Жанна — это просто красивый фасад, сопровождающая, которая знает, как улыбаться нужным людям. Там будут акционеры, потенциальные партнеры. Мне нужен статус!

— Твой статус — это женатый человек с тремя детьми, а не молодящийся мужик с эскортницей из соседней квартиры, — отрезаю я.

Кирилл резко подается вперед, его лицо багровеет.

— Жанна не такая! Как тебе не стыдно, Света?! Она из хорошей семьи, учится в университете, согласилась помочь! А ты… ты просто пытаешься всё испортить, потому что сама застряла в бытовухе и тебе завидно! — Он бьет ладонью по столу.

Кофе в чашке расплескивается на светлую льняную скатерть. Я люблю льняные скатерти, пусть это и старомодно. Еще вчера я бы бросилась затирать пятно губкой, бормоча, что ничего страшного не произошло. Сейчас я просто смотрю, как оно медленно впитывается в ткань.

— Значит, один, — подытоживаю я.

Кирилл шумно выдыхает, резко встает, едва не опрокинув стул.

— Прекрасно! Отлично! Я пойду один. Довольна? — Он бежит в коридор, подхватывает с тумбочки ключи и портфель. — Собственная жена вместо поддержки устраивает истерики на ровном месте! К ужину не жди! — бросает уже с лестничной площадки.

Хлопает входная дверь. Я остаюсь сидеть в тишине.

Завидую? Я, оказывается, завидую. Чему? Чужой молодости? Фигуре? Тому, что мой муж пойдёт в свет с ней, а не со мной? Тому, что она будет хлопать нарощенными ресницами перед его начальством, пока я тут оттираю сковородки?

В груди снова поднимается та самая волна, что накрыла меня вчера вечером. Только теперь это не обида. Это концентрированный адреналин.

Если Кирилл думает, что я покорно утрусь и останусь дома ждать его с разогретым ужином — он сильно переоценил мою любовь к кулинарии. План, который я набросала ночью, окончательно обретает форму.

Беру телефон. Листаю контакты до буквы «Л». Лера. Моя лучшая школьная подруга и бывшая коллега из рекламного агентства, с которой мы последние годы только в соцсетях переписываемся и голосовые друг другу шлём. Лера — человек-ураган, она знает половину города, открывает любые двери ногой и обожает чужие драмы.

Гудки тянутся мучительно долго.

— Светка? — голос Леры звучит хрипло. — Ты ли это, мать-героиня? Что стряслось? Мир рухнул, раз ты звонишь. Да ещё и в такую рань.

— Рухнул, Лер. Мне нужна твоя помощь.

— Кого убить? — тут же оживляется она.

— Никого. Пока. Мне нужен один-единственный пригласительный на завтрашний прием в «Гранд-Холле». Тот, что

для топов.

На том конце повисает тяжелая пауза.

— Туда по спискам пускают, Свет. Спонсоры, партнеры, шишки всякие. А тебе зачем?

— Мне нужно сделать мужу... сюрприз.

Я коротко, без лишних деталей и театральных пауз, обрисовываю ситуацию. Повышение, прием, статусная «эскортница» из соседней квартиры, «клуша»-жена.

Лера смачно ругается.

— Ах, он козел неблагодарный! Слушай, я там организую зону для прессы. Протащу тебя как VIP-гостью от информационного партнера, благо фамилии у вас с Кириллом пока одинаковые, никто не придерется. Но, Свет... там будет жесткий дресс-код.

— Я знаю.

— У тебя есть нормальное платье? Только честно. Не то бордовое, в котором ты на юбилей к свекрови ходила.

— Нет у меня платья, Лер. Ни платья, ни туфель.

— А деньги есть? Тебя сейчас надо собирать с нуля.

Я опускаю взгляд на свои колени. Деньги есть. В коробке из-под зимних сапог на верхней полке шкафа лежит пухлый конверт. Я откладывала туда с тех крох, что удавалось выкроить из бюджета — Кирилл учитывал каждый рубль — и кое-что со своих редких подработок онлайн. Мы копили на ремонт в ванной.

К черту ванную.

— Есть, — твердо отвечаю.

— Значит так, — тон Леры мгновенно становится деловым. — Вытряхиваешь свою заначку и завтра дуешь по адресу, который я сейчас скину. Там салон моей подруги, я ее предупрежу, чтобы из тебя сделали Монику Беллуччи. А со шмотками разберемся сегодня вместе. Я с одним шоу-румом договорюсь. Ты им покажешь, кто тут статусная мать семейства, а кто клуша-эскортница.

Она отключается, а я иду в спальню. Достаю коробку, вытаскиваю конверт и впервые за долгое время чувствую, как губы сами растягиваются в улыбке. Злой, но очень искренней.

Глава 3

Шоу-рум, куда меня привозит Лера, прячется в тихом центре города. Никаких кричащих вывесок — только тяжелая дубовая дверь и приглушенный свет внутри.

— Светка, ты только посмотри на себя, — причитает подруга, пока владелица бутика несет нам кофе. Лера кружит вокруг меня, цокая языком. — Где та девчонка, с которой мы в одиннадцатом классе сбегали через окно на дискотеку? Что этот душный сухарь с тобой сделал?

— Он теперь без пяти минут топ-менеджер, Лер, — усмехаюсь я, разглядывая ряды вешалок с пугающими ценниками.

— Да хоть арабский шейх! Так, Тамилочка, — Лера переключается на хозяйку, — нам нужно что-то такое, чтобы её благоверный завтра подавился тарталеткой, а все остальные мужики свернули шеи. Но элегантно! Мы же статусная жена, а не эскортница с почасовой оплатой.

Мы примеряем платьев десять. В одних я кажусь себе гусеницей, другие висят мешком, третьи слишком откровенные. Моя фигура после рождения троих детей округлилась: появилась грудь, о которой в школе я могла только мечтать, бедра стали шире. Кирилл в последнее время всегда вздыхает, глядя на меня, и намекает, что пора бы перестать есть углеводы на ночь.

А потом Тамила приносит *его*. Платье глубокого, насыщенного изумрудного цвета. Тяжелый шелк, крой с запáхом.

Когда я выхожу из примерочной, Лера давится капучино.

— Матерь божья… — выдыхает она, отставляя чашку. — Я бы сама на тебе женилась.

Я робко поворачиваюсь к огромному зеркалу и замираю. Ткань идеально обхватывает талию, скрывая всё лишнее, а глубокий V-образный вырез подчеркивает роскошную грудь. Я вдруг вижу в отражении не уставшую многодетную мать в растянутой футболке. Я вижу Женщину. Сочную, манкую, желанную.

— Берём, — хрипло говорю.

Денег из коробки уходит порядочно. Вместе с классическими лодочками на шпильке — почти половина заначки. Но мне впервые в жизни не жаль ни единого рубля.

На следующий день, в тот самый вечер приема, я прошу своих родителей забрать Луку из сада и оставить у себя с ночёвкой. Сухо сообщаю старшим детям, что ухожу по делам, и отправляюсь по Лериному адресу.

В салоне красоты надо мной колдуют часов пять. Сначала косметолог: массаж лица и какие-то волшебные маски, одновременно маникюр. Затем я плавно перетекаю в кресло стилиста.

Когда мастер наконец разворачивает кресло к зеркалу, у меня перехватывает дыхание. Волосы, которые я годами со-

бирала в унылый «мамский» пучок, теперь спадают на плечи крупными ухоженными волнами. Маски и макияж творят абсолютное чудо: кожа светится, глаза кажутся огромными, а на губах лежит помада сложного винного оттенка.

— Ну как? — с гордостью спрашивает визажист.

— Я себя не узнаю, — признаюсь.

— Привыкайте. Вы потрясающе красивы.

В платье переодеваюсь там же и оставляю свои вещи у хозяйки салона. Вызываю такси.

К входу в «Гранд-Холл» я подъезжаю ровно в восемь. Колени слегка дрожат, когда выхожу из машины. Возле парадных дверей толпятся люди в дорогих костюмах, вспыхивают камеры светских фотографов — Лера не шутила, мероприятие действительно пафосное.

Я называю свою фамилию на входе. Охранник сверяется со списком прессы, почтительно кивает и пропускает меня внутрь.

В просторном зале играет джаз-бэнд, официанты разносят шампанское в высоких бокалах. Я беру один, просто чтобы чем-то занять дрожащие руки, и делаю глубокий вдох. Спину прямо. Подбородок выше. Я не клуша. Я — законная жена.

Найти Кирилла оказывается несложно. Он стоит в центре зала возле фуршетной линии и увлеченно что-то вещает пузатому лысеющему мужчине — возможно, одному из акционеров. Кирилл светится от самодовольства. На нем совер-

шенно новый костюм, а на запястье поблескивают новые часы. Он выглядел бы сногсшибательно, ели бы не сопровождение…

Рядом с ним стоит она. Жанна. Молодая соседка, которая «просто согласилась помочь». На ней тесное бандажное платье телесного цвета, едва прикрывающее задницу, волосы вытянуты утюжком до стеклянного блеска, а губы, накачанные гиалуронкой, растянуты в заученной кукольной улыбке. Она висит на руке моего мужа и преданно заглядывает ему в рот.

Статусная сопровождающая. Хорошая девочка из приличной семьи. Ага, как же.

Я усмехаюсь, делаю маленький глоток ледяного шампанского и уверенным, размеренным шагом направляюсь прямо к ним. С каждым ударом каблука по мраморному полу остатки моей неуверенности испаряются. Я иду сквозь толпу, словно ледокол, разрезающий замерзшую гладь. Люди инстинктивно расступаются. Краем глаза замечаю, как несколько мужчин оборачиваются мне вслед, а их спутницы недовольно поджимают губы.

Удивительное давно забытое чувство. Я пью его мелкими глотками вместе с ледяным шампанским, которое приятно обжигает горло.

Я подхожу почти вплотную, когда Кирилл, увлеченно жестикулирующий перед пузатым собеседником, вдруг замирает. Кажется, он спинным мозгом чувствует чужой взгляд.

Поворачивает голову. На его лице всё ещё блуждает снисходительная улыбка успешного человека, который привык быть в центре внимания.

И в этот момент наши глаза встречаются.

Улыбка Кирилла медленно, словно в замедленной съемке, сползает с его лица. Зрачки расширяются так стремительно, что радужки почти не видно. Он моргает. Один раз, второй. Кажется, искренне верит, что у него начались галлюцинации. Кадык на его шее дергается — Кирилл судорожно сглатывает, но не может вымолвить ни слова. Его рука, в которую так крепко вцепилась Жанна, безвольно повисает.

— Добрый вечер, — произношу я. Голос звучит глубоко, с легкой хрипотцой, которой я сама от себя не ожидаю. Никаких истеричных ноток. Только абсолютное холодное спокойствие. — Надеюсь, я не опоздала к самому интересному?

Глава 4

В воздухе повисает тяжелая пауза. Даже джаз-бэнд на заднем фоне, кажется, играет тише.

Жанна непонимающе хлопает своими нереальными ресницами. Вблизи она выглядит еще дешевле: слишком плотный тон на лице, слишком явный контуринг, а в глазах — пустота. Она переводит взгляд с меня на Кирилла, явно не понимая, почему всё пошло не так.

Первым из оцепенения выходит собеседник Кирилла. Пузатый мужчина с бейджем «Борис Львович. Совет директоров» расплывается в широкой маслянистой улыбке. Его взгляд бесцеремонно скользит по моей фигуре, откровенно задерживается на глубоком вырезе, оценивая формы, и только потом возвращается к лицу.

— Кирилл, голубчик! — басит он на весь зал, и от этого звука мой муж вздрагивает, как от пощечины. — Вы не представите мне эту ослепительную леди? А то мы тут о фьючерсах да о поставках, а мимо нас, оказывается, такие бриллианты ходят!

Кирилл открывает и закрывает рот, напоминая выброшенного на берег карпа. Он панически озирается, словно ищет пути к отступлению.

— Э-это... — блеет мой без пяти минут топ-менеджер, и его голос дает позорного петуха. — Это Света.

— Светлана, — мягко, но с нажимом поправляю я, протягивая акционеру руку. — Законная супруга Кирилла. Я просто не могла пропустить такой важный для мужа вечер. Борис Львович, верно? Кирилл так много о вас рассказывал. Уверял, что без вашего мудрого руководства компания бы не достигла таких высот.

Грубая лесть работает безотказно. Мужчина расцветает, его щеки наливаются румянцем удовольствия. Он бережно двумя руками перехватывает мои пальцы и прикладывается к ним влажными губами.

— Супруга? Вот те на! — Борис Львович искренне удивлен. Он косится на Жанну, которая продолжает висеть на локте моего мужа.

— А мне казалось... А это тогда кто? Дочь от первого брака?

Жанна, до которой наконец-то доходит смысл происходящего, вспыхивает. Ее лицо идет некрасивыми красными пятнами, а губы, накачанные гиалуроновой кислотой, искривляются. Решив, что лучшая защита — это нападение, она вздергивает острый подбородок.

— Киря! — капризно, как обиженный ребенок, тянет она. От этого базарного «Киря» Кирилл снова дергается, а Борис Львович изумленно поднимает брови. — Ты же говорил, что тётя Света дома со спиногрызом сидит и света белого не видит! Какого черта она сюда приперлась?

Тётя Света? Спиногрызом? Мой Лука — не спиногрыз!

Во мне вспыхивает сверхновая ярости, но снаружи не дрожит ни один мускул. Я делаю еще один крошечный глоток шампанского. Сохранять невозмутимость оказывается удивительно легко, когда чувствуешь свое превосходство.

— Какая прелестная у тебя... помощница, дорогой. Такая непосредственная. Очаровательная простота.

Смешок Бориса Львовича звучит, как приговор.

— Света, отойдем, — шипит Кирилл. Его глаза наливаются кровью. Он делает резкий шаг ко мне, забыв о субординации и приличиях, и грубо хватает меня за обнаженный локоть. Его пальцы впиваются в мою кожу. — Какого черта ты здесь устроила? Иди домой. Немедленно. Пока я не...

— Боюсь, Кирилл Андреевич, она никуда не пойдет.

Голос раздается прямо у меня за спиной. Негромкий. Без крика. Но в этом глубоком низком баритоне столько спокойной, но абсолютной власти, что пальцы Кирилла моментально разжимаются. Мой муж бледнеет так стремительно, что кажется, сейчас упадет в обморок на мраморный пол. Он вытягивается по стойке смирно.

Я медленно оборачиваюсь. Запах дорогого парфюма с нотками табака и кедра бьет в ноздри за секунду до того, как я вижу его обладателя.

Передо мной стоит мужчина. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенном темном костюме-тройке, который сидит на теле так, словно его шили на заказ в каком-нибудь Лондоне. Никакой вычурности, никаких кричащих брендов,

как у Кирилла. Только аура хищной непоколебимой уверенности. Жесткая линия подбородка, чуть тронутые благородной сединой на висках темные волосы и глаза цвета крепкого черного кофе.

И эти глаза сейчас смотрят на меня с откровенным интересом. Мужчина сканирует меня с ног до головы: медленно, оценивающе, не скрывая восхищения. Под его взглядом мне становится жарко.

— Ринат Халилович... — хрипит сбоку Кирилл.

И я понимаю, что перед нами не просто кто-то из начальства. Это владелец. Тот самый, от одного слова которого зависит не только карьера моего мужа, но и судьба всей компании.

— Борис, ты первым сегодня успел познакомиться с самой красивой женщиной в этом зале, —кивает Ринат акционеру, но взгляд остается прикованным ко мне. В уголках его глаз собираются лукавые морщинки.

— Ринат, дорогой, это Светлана! — хохочет Борис Львович, услужливо отступая на шаг. — Представляешь, она супруга нашего Кирилла! А я-то думал, он с этой... барышней пришел. Ошибка вышла-с!

Ринат переводит ледяной взгляд на Кирилла. В этом взгляде столько превосходства и скрытой угрозы, что мой муж вжимает голову в плечи. Затем глаза Рината скользят по Жанне — брезгливо, коротко, как по грязному пятну на обоях. Жанна съеживается, пытаясь спрятаться за спину Ки-

рилла.

— Супруга, значит, — задумчиво тянет Ринат, возвращаясь ко мне. На его губах играет едва заметная полуулыбка, от которой у меня перехватывает дыхание. — Ринат Сафин. Рад знакомству, Светлана.

Он протягивает мне руку. Я вкладываю пальцы в его широкую горячую ладонь. Ожидаю дежурного вежливого рукопожатия, но он не отпускает меня. Не сводя с меня взгляда пронзительных темных глаз, Ринат чуть склоняет голову и касается губами костяшек моих пальцев. Его губы обжигают. От их короткого прикосновения по спине пробегает стайка мурашек, а внизу живота стягивается тугой узел.

— Светлана, — повторяет он мое имя, пробуя его на вкус, словно коллекционное вино. — Кирилл Андреевич, вы полны сюрпризов. Скрывать такую роскошную женщину дома... Это почти преступление… И серьезный повод усомниться в вашей адекватности как руководителя.

Слова Рината бьют наотмашь. Кирилл рядом со мной дышит так тяжело и прерывисто, словно только что пробежал кросс в гору. Его идеальный мир, где он успешный самец со статусной молодой эскортницей, а я — забитая клуша у плиты, рассыпается в пыль под дорогими туфлями владельца компании.

А я стою, окруженная вниманием самых влиятельных мужчин в этом зале, чувствую тепло ладони Рината и понимаю одну простую вещь: я больше никогда не позволю за-

двигать меня в тень.

Глава 5

Взгляд Рината Сафина обжигает. В его темных глазах пляшут опасные хищные искры, и я понимаю, что этот мужчина читает ситуацию, как открытую книгу. Он видит мой фальшивый брак насквозь. Видит жалкую растерянность моего мужа. Видит глупую вульгарную девицу, вцепившуюся в его рукав.

Я понимаю, что он мне подыгрывает. Понятия не имею по какой причине — возможно, это что-то личное, — но именно я в эту минуту оказываюсь в центре его вселенной. И я ему благодарна. А копаться в себе буду позже.

— Вы мне льстите, Ринат Халилович. — Я, наконец, мягко высвобождаю свою руку из его ладони. На коже все еще покалывает фантомное тепло его губ. — Кирилл просто очень оберегает наш семейный очаг. Правда, милый?

Я поворачиваю голову к мужу. Лицо Кирилла напоминает гипсовую маску: серое, безжизненное, с испариной на верхней губе. Он силится выдавить из себя улыбку, но получается лишь жалкая гримаса.

— Да... конечно, — хрипит он, нервно поправляя галстук, который вдруг стал ему мал. — Светлана у нас... хранительница очага. Дети, быт...

— Какое расточительство, — холодно роняет Ринат. Он даже не смотрит на Кирилла, его внимание приковано к

моему лицу. — Оставлять такое сокровище в четырех стенах. Вы ведь не всегда были домохозяйкой, Светлана? У вас взгляд человека, который умеет принимать жесткие решения.

— У меня красный диплом финансового университета, — спокойно отвечаю и чувствую, как во мне расправляет крылья гордость. — До первого декрета я возглавляла отдел аналитики. Но муж убедил меня в том, что с финансами справится сам.

Борис Львович, до этого с интересом наблюдавший за нашим диалогом, сочувственно цокает языком:

— Ай-яй-яй, Кирилл! Такого специалиста в декретах сгноил! А мы-то как раз ищем свежую кровь в отдел стратегического планирования...

И тут Жанна не выдерживает. Видимо, осознание того, что ее игнорируют самые важные мужчины в зале, пока какая-то «брошенная жена» купается в их внимании, срывает ей тормоза. Она резко дергает Кирилла за руку, едва не оторвав ему рукав пиджака.

— Киря! Мне скучно! — громко, на ползала, заявляет она. Ее визгливый голос разрезает элегантный гул банкета. — Мы вообще-то собирались ехать в автосалон! Ты обещал мне показать мою красную «Мазду»...

Она осекается, но поздно. Слова повисают в воздухе тяжелыми грязными камнями. Я отчётливо понимаю, что мой муж и эта девица… Они близки!

Вокруг нас мгновенно образуется вакуум. Борис Львович кашляет в кулак, пряча глаза. Я чувствую, как краска стыда за мужа — не за себя, а за то, с каким ничтожеством я прожила десять лет — приливает к моим щекам.

Ринат медленно… пугающе медленно поворачивает голову к моему мужу. Температура в нашем кружке падает ниже нуля.

— Автосалон? — голос Сафина звучит тихо, но в нем лязгает сталь. — Интересные у вас приоритеты, Кирилл Андреевич. Особенно учитывая, что квартальный отчет вашего подразделения показал просадку на пятнадцать процентов. Надеюсь, покупка спорткаров для ваших... помощниц не спонсируется из бюджета компании? Нам придется провести внеплановый аудит.

Кирилл становится цвета свежевыпавшего снега.

— Ринат Халилович... это ошибка... это мои личные сбережения... Жанна вообще всё не так поняла…

— Избавьте меня от оправданий. Это жалко, — брезгливо бросает владелец компании. — Идите проветритесь, Кирилл. Вы портите атмосферу вечера. Оба.

Это увольнение. Пусть не официальное, но в высших кругах такие слова означают конец карьеры.

Я неожиданно пугаюсь! Что я наделала?! Может я зря всё это затеяла? Пострадает наша семья. Наше благосостояние…Стоп! А разве всё меряется только деньгами? Нет. Я правильно сделала, что пришла. Делаю глубокий вдох пол-

ной грудью.

Кирилл затравленно озирается, понимая, что его карьера, его статус, его глянцевая жизнь только что рассыпались в прах. Он с такой силой хватает Жанну за предплечье, что она взвизгивает.

— Быстро уходим отсюда, — шипит он ей в лицо с такой звериной ненавистью, что мне на секунду становится ее жаль.

Они разворачиваются и практически бегут к выходу. Жанна спотыкается на своих высоченных шпильках, едва не снося поднос с рук проходящего мимо официанта. Позорное и жалкое зрелище.

Борис Львович, сославшись на необходимость поздороваться с кем-то из партнеров, тактично испаряется. Мы с Ринатом остаемся одни. Я смотрю вслед мужу, и адреналин, державший меня на плаву последние полчаса, начинает стремительно покидать кровь. На смену ему приходит звенящая пустота и осознание: я только что сожгла все мосты. Пути назад нет. Я разрушила семью. Это точно.

— Вы в порядке? — низкий голос Сафина возвращает меня в реальность.

Он стоит совсем близко. Я чувствую запах его парфюма, и этот запах странным образом успокаивает.

— Более чем. — Я делаю очередной глубокий вдох, заставляя себя поднять на него глаза. — Спасибо за... вмешательство. Хотя я бы справилась сама.

Уголок его губ приподнимается в усмешке.

— Не сомневаюсь. Вы вошли в зал так, словно собираетесь купить это здание и всех нас в придачу. Я давно не видел ничего более восхитительного.

Ринат достает из внутреннего кармана пиджака матово-черную визитку с золотым тиснением. Ни должности, ни логотипа компании. Только имя, фамилия и номер телефона. Он вкладывает ее в мою ладонь, и его пальцы на секунду задерживаются на моих.

— Когда ваш муж решит устроить вам ад — а он решит, такие трусы не умеют проигрывать достойно, — позвоните мне. Я помогу вам стереть его в порошок. Законно, профессионально и очень больно.

Я смотрю на визитку, затем на Рината. Внутри меня борются боль утраты, горе, гордость и внезапно вспыхнувшее доверие к этому властному мужчине.

— Доброй ночи, Ринат Халилович.

— До скорой встречи, Светлана.

***

Дорога домой проходит, как в тумане. Сидя на заднем сиденье такси, я смотрю на мелькающие огни ночного города, размытые каплями начавшегося дождя. В сумочке лежит черная визитка и жжет пальцы даже сквозь клатч.

Двадцать два года брака смыты в унитаз. Впереди раздел имущества, скандалы, слезы детей.

Господи, дети...

Таксист останавливается у подъезда, с карточки списываются деньги. Выхожу из машины и вхожу в подъезд нашего элитного ЖК. Поднимаюсь на свой этаж. В коридоре тихо.

Я вставляю ключ в замочную скважину. Поворачиваю. Два щелчка звучат в тишине оглушительно громко. Открываю дверь и вхожу в темную прихожую. Скидываю туфли, чувствуя невероятное облегчение в гудящих ногах.

В квартире царит мертвая тишина. Детей нет. Лука у моих, Даша ушла с ночёвкой к подруге, а Тим в клубе. Ему уже двадцать один. Но эта тишина всё равно слишком неестественная.

Я тянусь к выключателю, но нажать не успеваю. В темноте гостиной раздается характерный щелчок зажигалки. Вспыхивает желтый огонек, выхватывая из мрака перекошенное от бешенства лицо мужа. Запах дорогого коньяка и застарелой ярости бьет мне в лицо.

Кирилл сидит в кресле в гостиной. Без пиджака, с ослабленным галстуком. В одной руке у него стакан, в другой папка, в которой я храню документы.

Он медленно поднимается. В темноте его силуэт кажется огромным и угрожающим. Это больше не тот жалкий потеющий трус, которого я видела на банкете. Это загнанный в угол зверь, чью жизнь я только что пустила под откос.

— А вот и ты, дорогая жена. — Его голос звучит низко, с хрипотцой, от которой у меня по спине пробегает ледяной холод. — Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

Он делает шаг ко мне. Звон льда в его стакане звучит, как таймер на бомбе.

Я сглатываю вставший в горле комок. Мне по-настоящему страшно.

— Ты уничтожила меня там. А теперь... — Кирилл швыряет папку с документами на пол, прямо к моим ногам. — Теперь я уничтожу тебя. Ты не получишь ни копейки. И Луку ты больше не увидишь. Я сотру тебя в порошок, Света. Начинай молиться, сейчас ты сдохнешь.

Он замахивается рукой со стаканом, и я инстинктивно зажмуриваюсь, втягивая голову в плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.